

“У Повелителя совершенно ужасное чувство юмора.

Смертельно ужасное.” — Ксенофор

Над Баруа сгустилась ночь. Кустистые облака закрыли собой луну и все окрестные земли погрузились в непроглядный мрак. Вдали были волки, а над самой крепостью летали стаи летучих мышей. Дул леденящий кровь ветер, и его завывания гудели в ушах разбойников. Многие из них проклинали разбушевавшуюся погоду, но Небеса были молчаливы и беспристрастны.

Воин стоял на вершине донжона и смотрел на копошащихся внизу муравьёв. Его кроваво-красные глаза внимательно следили за каждым шагом разбойников. Ни единая живая душа не могла спрятаться от его чуткого, замогильного взора.

Воин собрал в своей ладони отрицательную энергию и одним мановением руки обрушил её на магические ловушки, установленные вокруг крепости. Призраки, заключённые в них, сразу же отреагировали на призыв более могущественного создания Тьмы. Они забились в колдовских цепях, силясь их порвать. Тут же поднялся замогильный вой, почти до смерти перепугавший часовых.

В это время главарь бандитов совещался со своими приближенными. Они обсуждали план убийства Валиона. Услышав вой призраков, все они встрепнулись. Особенно остро отреагировал одноглазый старик. Он весь съёжился и побледнел. Колдовские ловушки были напрямую связаны с его душой, а потому буйство призраков отдавалось острой болью. Сузив глаза, он быстро подскочил к открытому окну и выглянул наружу. От увиденного он побледнел пуще прежнего.

— Что там случилось? — спросил главарь. Его голос предательски дрогнул. Множество мыслей роилось в его голове, и самая страшная из них крутилась на самом языке. — Это Валион?

— Нет, — прохрипел старик. А затем он зашёлся жутким кашлем. Из пересохшего горла на его ладонь вырвалась свежая кровь. Старик сразу же отшатнулся от окна и схватился за голову. Его глаза словно бы обезумели и закрутились, каждый в свою сторону.

Все собравшиеся замерли на месте. От лицемерия подобного на спинах каждого из них выступил холодный пот. Самые слабонервные упали обратно на стулья. Главарь же подскочил к старику и принялся неистово его трясти.

— Что случилось!? — во весь голос кричал главарь, пытаясь то ли перекричать завывания призраков, то ли дозваться старика.

— Ловушки... — бормотал старик. — Ловушки, все они...

— Сломаны, — за него закончил главарь. С этим кровь отхлынула от его сердца. И в подтверждение его догадки с улицы послышался сонм замогильных голосов, а вслед за ним и крики первых жертв.

Все призраки, что были с таким трудом заключены в ловушки, вырвались на свободу. Над Баруа взвился вихрь негативной энергии, столь концентрированный, что был виден глазу простого человека. И эпицентром всего этого был донжон.

Воин всё так же стоял на крыше и созерцал весь творившийся внизу хаос с леденящим спокойствием. Призраки, что кружили вокруг, на разный лад и на разных языках приветствовали своего Повелителя. Они преклонялись перед ним, и в угоду ему налетали на копошащихся внизу живых.

Среди бандитов было несколько магов, которые там, внизу, пытались построить хоть какую-то линию обороны от призраков. Все они не понимали того, как те смогли вырваться на свободу, и почему они не подчинялись мысленным командам, ведь все они были приручены одноглазым стариком. Каждый день их кормили свежей кровью, дабы утолить их извечный голод, но сейчас они буйствовали так, как будто бы всего этого не было, и это никак не укладывалось в головах магов.

Тем временем в донжоне главарь смог привести в сознание старика. Тот перестал кашлять кровью, но на его губах всё ещё была запёкшаяся кровь.

— Ты можешь сказать — что именно случилось? — этот вопрос волновал главаря куда больше смертей его подчинённых.

— Кто-то более могущественный чем я сломал колдовские цепи, что сдерживали призраков, и...
— на этом старик запнулся. — И смог подчинить их всех себе.

— Как такое возможно!? — сорвался на крик главарь. — Разве ты не колдун пятого Круга? Во всей Старой Империи нет никого сильнее тебя!

— Я знаю! — огрызнулся старик.

— Тогда кто...?

Но не успел главарь закончить, как волосы на его голове встали дыбом. Все его чувства кричали ему, что позади него есть кто-то, а вернее что-то, очень могущественное. И это “что-то” внушало ему страха больше, чем беснующиеся призраки. Медленно-медленно обернувшись, главарь увидел в окне донжона смолянисто-чёрного ворона с кроваво-красными глазами. Тот очень внимательно смотрел на всех собравшихся, и в его глазах отражалась сама Смерть.

— К-кто т-ты? — запинаящимся и дрожащим голосом спросил главарь.

Ворон наклонил голову и посмотрел на главаря так, будто бы не понимал его вопроса. Или же просто смеялся над ним. Второе показалось главарю более вероятным. Главарь порывался сказать что-то ещё, но он проглотил свои слова, когда в окне появился один из призраков.

— Это они! Они! Они! — завизжал призрак, указывая на бандитов и, в частности, на старика.

Ворон, казалось бы, внимательно его выслушал и посмотрел в глаза старику. Тот не смог отвести своих глаз, хоть и прикладывал все свои силы. Но в одно мгновение его глаза остекленели, и он упал замертво. На его лице навеки застыло выражение неопишемого ужаса, будто бы он в самое последнее мгновение своей жизни осознал, кто именно был перед ним. Но никто больше не сможет этого узнать — его душа покинула тело и втянулась в общий сонм кричащих призраков, что кружили вокруг донжона. И даже после смерти этот одноглазый старик не нашёл покоя — на него тут же накнулись призраки и разорвали на куски. Через считанные мгновения от него не осталось даже клочка — всё было поглощено беспощадным вихрем отрицательной энергии.

Увидев воочию участь старика, все собравшиеся окаменели. Никто не смел дышать, не то, что пошевелиться, и тем более оказать хоть какое-то видимое сопротивление ворону.

А тем временем во дворе крепости развернулся кромешный Ад. Призраки всё налетали и налетали на бандитов. Каждую минуту от их острых когтей погибал очередной бандит. И всех их ждала участь старика — всех их разрывали на части, а изуродованные тела мешками падали на землю. Но даже в посмертии им было отказано в покое. К ужасу оставшихся в живых, тела мертвецов поднимались на ноги сами собой. Их замутнённые глаза наполнялись неопишемой яростью, и ожившие мертвецы бросались на своих ещё живых, и уже бывших, товарищей.

Лишь горстка самых храбрых бандитов, возглавляемых магами, всё ещё оказывали хоть какое-то мало-маломальское сопротивление. Все они надеялись, что в скором времени одноглазый

старик обуздает разбушевавшихся призраков. Но их чаяниям не суждено было сбыться. Под напором призраков и оживших мертвецов они сдавали свои позиции. Они погибали один за другим, и вскоре во дворе крепости не осталось ни единого живого существа. Даже самая маломальская живность, на подобии мышей, была убита разъярёнными призраками. И все они пополняли ряды оживших мертвецов.

— Кар!

Единожды каркнул ужасающий ворон и всё стихло. Не было слышно ни единого звука. Адский хорал призраков смолк и исчез, как будто бы его никогда и не было. Исчез и вихрь негативной энергии. Всюду воцарилась тишина, мёртвая тишина.

Главарь разбойников был застигнут этим врасплох. Он уже ничего не понимал — события этого вечера окончательно сломили его. Он прекрасно сознавал, что полностью находится во власти этого могущественного ворона.

Вдруг за его спиной послышалось шарканье, а затем и грохот стульев. Краем глаза главарь заметил, что все его подчинённые не стойкой походкой направились к нему. В их стеклянных глазах читался ужас и ярость. И они собирались излить эту ярость на единственном живом существе во всей крепости — на своём бывшем главаре.

— Помилуй! — взмолился главарь, обращаясь то ли к богам, то ли к ворону.

— Кар!

Вновь каркнул ворон, и это послужило сигналом для мертвецов. Они накинулись на главаря всей гурьбой, больше мешая друг другу, чем проявляя хоть толику разумности. Они падали, спотыкаясь о собственные ноги, но всё равно продолжали ползти к главарю. В этом он и увидел свой призрачный шанс.

Он резко вскочил и, с ловкостью змеи, протиснулся меж мертвецов. Его целью был небольшой ларец, стоящий на тумбочке рядом с кроватью. Там хранилось его сокровище, которое могло спасти ему жизнь. Так он думал, однако его плану не суждено было сбыться.

Конец надеждам главаря положил не проворный мертвец, а тот самый ужасающий ворон. Незнакомо как, но он оказался у ларца быстрее, чем главарь. И стоило только его клюву коснуться крышки ларца, как та рассыпалась прахом, открыв содержимое.

Там находился святащийся ярко-алым кристалл размером с кулак. Именно на него возлагал все свои надежды главарь. Его сердце при виде этого кристалла сжалось. И он решился. Решился на последний рывок в своей жизни.

С нечленораздельным криком он бросился с кулаками на ворона. Быть может он надеялся прогнать его, размахивая руками, как будто бы это был самый обычный ворон. Видимо, последние капли рассудка покинули голову главаря разбойников.

Но ему не суждено было добежать до ларца. Только он собирался сделать шаг, как его за лодыжку схватила мертвенно-холодная рука. С криком главарь рухнул на пол, и без оглядки стал брыкаться. Его заплывшие глаза, полные безумия, смогли всё же заметить, что схватил его одноглазый старик, который оказался самым проворным из мертвецов. А за ним последовали и остальные.

— Будь ты проклят! — истошно завопил главарь, обращаясь то ли к старику, то ли к ворону, а может и ко всем сразу.

Но мертвецы не стали его убивать. Вместо этого они мёртвой хваткой вцепились в него, лишив любой возможности пошевелиться. И тогда перед главарём предстал воин в своём чудовищном воплощении.

— Ты не хочешь умирать? — ледяным тоном спросил воин. — Не хочешь разделить их участь?

Безумие в глазах главаря сменило место животному страху, но он всё же нашел силы сфокусировать свой взгляд на воине, что склонился над ним.

— Нет...

— Тогда ты не умрёшь, — всё так же отстранёно сказал воин. — По крайней мере пока.

С этими словами воин щёлкнул пальцами и душа главаря была вырвана из его тела. Это было сделано с такой лёгкостью, что главарь даже не успел что-либо почувствовать. А затем воин вернул её обратно в тело.

— Теперь ты будешь служить мне, — тоном, не терпящим отказа, сказал воин. — В жизни, и после неё. Раб на веки вечные.

— Что... — тихо пролепетал главарь. — Что ты со мной сделал?

— “Вы” — поправил его воин.

С этими словами, по телу и душе главаря прокатилась волна неопишимо мучительной боли. Посмотрев на свою левую руку, тот в шоке застыл — её вывернуло под самыми неестественными углами. Из открытых переломов текла кровь, мясо и кости смешались в единую кашу.

— Теперь и впредь я — твой Повелитель, — сказал воин. — И обращаться ты будешь соответственно своему статусу. Статусу червя.

— Да, Повелитель, — с покорностью в голосе отозвался главарь.

Воин взмахнул рукой, и мертвецы отпустили главаря. Тот всё ещё стонал от жуткой боли, но всё же нашёл в себе силы встать на колени. Он придерживал своей здоровой рукой то, что осталось от его левой руки, и со страхом в глазах смотрел на воина.

— Чем я могу быть Вам полезен?

— О, — многозначительно протянул воин. — Очень многим. Приготовься, Каралан, эта ночь будет очень длинной. Возможно, самой длинной в твоей жалкой жизни.

Главарь несколько не удивился, что его назвали его настоящее имя, а не псевдоним, который был известен остальным бандитам. Даже старик не знал его. Но стоявший перед ним воин казался ему абсолютно всемогущим, и такая мелочь была в его глазах совершенно незначительной.